



**РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ
ГЛОБАЛЬНЫМИ ЦЕНТРАМИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**
DEVELOPMENT OF CULTURAL INTERACTION BETWEEN GLOBAL
CENTERS OF CIVILIZATIONS

DOI 10.24411/2658-3569-2021-10060

Никитина Виктория Константиновна, Владимирский Государственный
Университет (ВлГУ), старший преподаватель

Nikitina Victoria Konstantinovna, Vladimir State University (VISU), Senior
Lecturer

Аннотация

С момента заключения в г. Симода российско-японского договора история российской дипломатической службы в Японии ведет свое начало о мире и дружбе (1855). Накануне подписания Симодского трактата Япония заключила подобные договоры с США и Великобританией. Вслед за Россией добиться подписания договоров с Японией удалось Голландии и Франции. Конкурентная борьба в деле «открытия» Японии заставляла соперников внимательно следить за действиями друг друга, анализировать чужие успехи и неудачи. Поэтому деятельность первых иностранных дипломатов в Японии, в том числе и российских, получила широкое освещение в англоязычной историографии. Анализ этой научной литературы позволяет взглянуть на российско-японские отношения с точки зрения третьей стороны, получив таким образом более полную картину становления российской дипломатической службы в Японии. Немало японских ученых также пишут свои исследования на английском языке.

Объектом нашего научного интереса является становление российской дипломатической службы в Японии. К сожалению, нами не было найдено работ,

целиком посвященных названной проблеме. Поэтому целью этой статьи является освещение основных достижений англоязычной историографии, в которой упоминаются некоторые обстоятельства подписания русско-японского договора об установлении дипломатических отношений и кратко характеризуется деятельность первых русских дипломатов в Японии.

Annotation

Since the conclusion of the Russian-Japanese treaty in Shimoda, the history of the Russian diplomatic service in Japan dates back to peace and friendship (1855). On the eve of the signing of the Shimoda Treaty, Japan concluded similar agreements with the United States and Great Britain. Following Russia, the Netherlands and France managed to achieve the signing of treaties with Japan. The competitive struggle in the "discovery" of Japan forced the rivals to closely monitor each other's actions, analyze other people's successes and failures. Therefore, the activities of the first foreign diplomats in Japan, including Russian ones, were widely covered in English-language historiography. The analysis of this scientific literature allows us to look at Russian-Japanese relations from the point of view of a third party, thus obtaining a more complete picture of the formation of the Russian diplomatic service in Japan. Many Japanese scientists also write their research in English.

The object of our scientific interest is the formation of the Russian diplomatic service in Japan. Unfortunately, we have not found any works devoted entirely to this problem. Russian Russian-Japanese diplomatic relations The purpose of this article is to highlight the main achievements of English-language historiography, which mentions some of the circumstances of the signing of the Russian-Japanese treaty on the establishment of diplomatic relations and briefly describes the activities of the first Russian diplomats in Japan.

Ключевые слова: российская служба, дипломатия, Российская империя, Япония.

Keywords: Russian service, diplomacy, Russian Empire, Japan.

Интерес к истории отношений европейских государств и США с Японией вырос в научных кругах во время Второй мировой войны. В 1944 г. Ассоциацией азиатских исследований была опубликована статья П. Э. Экеля, который проанализировал историю возникновения дипломатических контактов Великих держав с Японией в то время, когда эта страна еще не имела важного значения в мировой политике [1].

Историк отмечает, что Крымскую войну редко ассоциируют с Японией, однако, он считает, что эта война стала катализатором в деле открытия японских портов. Утверждение автора об экономической необходимости, которая якобы стала главной причиной приложения усилий британских и российских дипломатов по подписанию договоров с Японией, требует некоторых уточнений. Русские, подписав ряд торговых соглашений с Японией, так и не сумели воспользоваться выборенными привилегиями: русско-японская торговля имела совсем незначительные объемы.

Особого внимания заслуживают работы специалиста по русскояпонским отношениям Дж. О. Ленсена [2]. Он отмечает, что книгу А. Гончарова «Фрегат «Паллада»» можно использовать как исторический источник лишь в сопоставлении с японскими записями середины XIX века. Историк отмечает, что путевые заметки И. А. Гончарова полны чувства превосходства по отношению к японцам. Японские источники свидетельствуют о взаимности таких ощущений.

Историк справедливо отмечает, что Симодский трактат содержал зерна русско-японской торговли, но главные его положения принадлежали к сфере политики, а не товарообмена.

В труде Дж. А. Ленсена «Русский натиск на Японию» содержится материал о пребывании команды фрегата «Аскольд» в порту Нагасаки [3]. Несомненный интерес представляет собой информация об оказании нагасакским губернатором помощи истощенному непогодой и болезнями экипажу корабля.

Анализируя поездку М. М. Муравьева-Амурского в Японию, Дж. А. Ленсен вспоминает встречу графа с И. А. Гошкевичем, который служил консулом в Хакодате с осени 1858 г.

Процесс сближения России с Японией Дж. А. Ленсен распределяет на два периода: примерно с 1700 до 1850; второй период, по мнению автора, начинается с 1850 г., верхняя хронологическая граница остается открытой.

Другую периодизацию становления и развития российско-японских отношений предлагает исследователь из Орегонского университета А. Кимболл [4]:

- 1) 1697-1792 гг. – период межличностных контактов между русскими и японцами;
- 2) 1792-1854 гг. – период возникновения спорных вопросов, связанных с определением границ двух империй;
- 3) 1854-1898 гг. – дальневосточный фронт «Большой игры».

Однако подписание первого дипломатического соглашения между Россией и Японией (1855) исследователь относит ко второй фазе. Наиболее значимой статьей договора автор считает статью 2, то есть ту, которая посвящена согласованию границ между двумя государствами.

По мнению А. Кимболл, Россия сыграла ключевую роль в разрушении японской политики изоляции. В то же время она выявила недостатки в собственных торговых структурах и политике и вступила в эпоху великих реформ.

Японский ученый Ц. Тогава анализирует образ России, формировавшийся в Японии до и после Реставрации Мэйдзи [5].

Автор указывает на схожие этапы развития Российской и Японской империй, сравнивая реформы Александра II и события 1868 г. в Японии. Ц. тогава вносит существенные дополнения в информацию об отправке японских студентов на обучение в Россию.

В русскоязычной историографии часто с гордостью пишут о том, что русский консул в Хакодате И. А. Гошкевич, возвращаясь в 1865 г. в Санкт-Петербург, привез с собой шестерых японских студентов. Согласно информации Ц. Тагава, в 1870-1871 гг. В США было отправлено 149 студентов, в

Великобританию – 126, в Германию – 66 и 42 – во Францию. Но только девять уехали в Россию.

Большинство студентов, отправленные правительством на учебу в Америку и Европу, достигли выдающихся карьерных успехов в Мейдзийской Японии. Что касается дальнейшей судьбы японских студентов, которые учились в Санкт-Петербурге, лишь один из них занял действительно важную должность, став министром иностранных дел Японии. Известно, что один из бывших студентов российского учебного заведения Ичикава Бункичи стал профессором и преподавал русский язык в Токийском институте. Тем не менее, Ц. Тогава не придает большого значения этой должности и приходит к выводу, что разница в карьерных путях между теми, кто учился в России, и теми, кто предпочел университетам Европы и Америки, характеризует Россию как менее передовую, чем государства Запада. Поэтому образование в России, по мнению Ц. Тогава, не приносило большой пользы.

Иллюстрируя отношение японцев к России как к второстепенной державы, Ц. Тогава указывает на то, что в классификации наций, опубликованной в Японии в 1869 г., Россия не была отнесена к высшей категории «цивилизованных государств», где находились Англия, Франция, Нидерланды и Соединенные Штаты.

Россия вместе с Италией, Испанией, Португалией и странами Латинской Америки была отнесена ко второй категории «просвещенных государств». Далее следовали "полуобразованные государства": Китай, Индия, Турция, Персия и африканские страны, находившиеся севернее Сахары. Кочевые племена Сибири, Центральной Азии, Аравии и Африки были классифицированы как «страны нецивилизованному поведению и обычаям». Последними шли "Варвары": американские индейцы и коренные жители Африки и Австралии.

Выдающийся японский ученый Х. Вада рассматривает историю русско-японских отношений в связи с политикой США, направленной на «открытие» Японии и распространение там своего влияния [6].

Сравнивая методы ведения переговоров Е. В. Путятин и М. К. Перри с японцами, автор отметил эффективность мирной тактики, применяемой российским дипломатом. Многие лица из числа представителей японских властей поддерживали идею установления дипломатических отношений с Россией и отклонения при этом американских предложений. По мнению Х. Вада, этого, к счастью, не произошло, ведь заключение договора лишь с одной из двух сильных держав угрожало бы независимости Японии.

При заключении международных соглашений для американских кораблей были открыты лишь два порта, а для россиян три. Правда россияне проиграли американцам во времени: Канагавский договор был подписан раньше, чем Симодский трактат. Х. Вада отмечает, что русско-японские договоренности были более справедливыми, чем американско-японские. Соединенные Штаты достигли соглашения с Японией об экстерриториальности в одностороннем порядке, в то время как россияне взамен на получение права экстерриториальности в государстве Нихон признавали такие же привилегии за японцами, которые будут посещать Россию.

Новый ракурс в исследовании становления российской дипломатической службы в Японии представил в начале XXI в. Э. Франц [7]. На основе немецких, голландских, российских и французских документов он освещает роль пионера в деле «открытия» Японии Филиппа Франса фон Зибольда в налаживании дипломатических отношений между Россией и Японией. В русскоязычной литературе фамилия Зибольда упоминается лишь в связи с его занятиями ботаникой. Э. Франц доказывает, что консультативная помощь, оказанная Зибольдом российскому посольству, имела исключительно важное значение для подписания первого русско-японского договора. Э. Франц замечает, что Зибольд считал необходимым назначение русского консула в Нагасаки, но в 1855 г. японцы согласились на учреждение консульства только в Симода или Хакодате.

Слишком краткое изложение М. Р. Ослином, руководителем отдела японоведения Американского института предпринимательства, предыстории

установления официальных российско-японских отношений несколько искажает историческую действительность. По словам ученого, визит Адама Лаксмана в Нагасаки в 1792 г. и оттуда до Хоккайдо «начал серию событий, кульминацией которых стало сожжение русскими северных японских сел в 1806 г. и захват российского офицера Василия Головнина в 1811» [8].

Создается впечатление, что вина за бесчинства Н. Хвостова и Г. Давыдова на островах Сахалин и Итуруп частично возлагается и на А. Лаксмана в то время, как именно он был первым, кому удалось завоевать доверие японских властей к россиянам.

В исследовании М. Р. Ослина приводятся факты, которые препятствовали установлению партнерских российско-японских отношений. В частности, автор уделяет внимание инциденту в Иокогаме, где в августе 1859 г. были убиты двое российских моряков, и конфликту, который возник между экипажем корабля «Посадник» и населением японского О. Цусима.

Книга М. Р. Ослина ломает стереотип о Японии как пассивной жертве западных империалистических сил. Для доказательства своей мысли историк приводит примеры применения японским правительством такой дипломатической стратегии, по которой бакуфу пытался обострить противоречия между Российской империей и Великобританией, стремясь таким образом ослабить их вмешательство во внутренние дела Японии. Организованное бакуфу присутствие британского флота у берегов Цусимы активизировало деятельность хакодатского консула И. А. Гошкевича по ликвидации конфликта, и командир флотилии адмирал И. Ф. Лихачев отозвал «Посадник» от японских берегов.

Другой американский ученый, профессор В. Мак-Оми, отмечает, что комодор Перри стал первым, кто подписал договор о сотрудничестве с японским правительством, но его «черные корабли» – это лишь один из факторов, который привел к коренным изменениям в жизни японского общества [9]. В. Мак-Оми детализирует роли, которые сыграли британцы, голландцы и россияне в деле «открытия» Японии.

Необычный подход к изучению истории российско-японских отношений выбрал Д. Н. Уэллс из Технологического университета Куртин (Австралия). Он анализирует роль, которую играли традиции гостеприимства, еда и напитки во время первых встреч российских и японских дипломатов. В качестве одного из примеров диаметрально противоположного понимания о вкусной еде у русских и японцев, автор приводит тот факт, что миссис Альбрехт, жена русского врача, прикомандированного к вновь созданному консульству в Хакодате, в своих воспоминаниях характеризует японскую пищу как одновременно кислую, горькую и сладкую со вкусом лекарств. Поэтому российским дипломатам приходилось пользоваться собственными продовольственными запасами [10].

В книге американской исследовательницы А. Б. Айриш изложена история коренных жителей о. Хоккайдо-айнов. В разделе «консулы, коммерсанты, моряки и искатели приключений» автор уделяет значительное внимание деятельности российского консульства в японском городе Хакодате. По мнению А. Б. Айриш, концентрация российских интересов в Хакодате, а не в Эдо или Иокогаме, была вполне логичной, потому что другие нации стремились получить от сотрудничества с Японией коммерческую выгоду, а Россия имела целью защитить свои дальневосточные земли и гарантировать безопасность собственных границ [11].

В общем, в работах, в которых упоминается проблема становления российской дипломатической службы в Японии, нашли отражение вопросы зарождения русско-японских отношений в контексте мировой политики; анализируется образ России, который сложился в Японии до и после реставрации Мэйдзи.

Многие ученые уделяют внимание анализу первого дипломатического соглашения между Россией и Японией. Англоязычные историки более критично, чем советские или постсоветские ученые, относятся к русскоязычным мемуарным источникам, имеющим отношение к становлению дипломатической службы Российской империи в Японии.

Среди общих черт англоязычной и русскоязычной историографии проблемы, следует отметить уделение большего внимания истории возникновения российских консульств в Хакодате и Нагасаки и практическое отсутствие сведений о консульстве в Иокогаме и открытие российской дипломатической миссии в Токио.

Много американских ученых, которые исследуют историю дипломатии на Дальнем Востоке, не поддерживают миф о определяющую роль США в прекращении многолетней изоляции Японии.

В англоязычной историографии, так же, как и в русскоязычной, основное внимание уделяется подписанию межгосударственных договоров в контексте решения проблемы спорных территорий. История же возникновения первых российских дипломатических представительств в Японии до сих пор является недостаточно исследованной; имена таких консулов как Е. К. Бюцов, О. Э. Оларовский, О. Ф. Филиппеус до сих пор не заняли заслуженного места в истории становления российской дипломатической службы в Японии.

В последние годы в условиях кризисного состояния системы европейской безопасности приобретают незаурядную остроту дискуссии по поводу места и роли в ее пределах Российской Федерации. В академических кругах стран Европы и России ведущее место в качестве предмета научных исследований занимают вопросы концептуальных подходов Российской Федерации по формированию европейского пространства безопасности XXI века (Дерек Аверре, Троицкий Михаил), его главных центров притяжения и зон влияния, главным образом, новых подходов, механизмов и средств реализации внешней политики российского государства, ключевым среди которых сегодня выступает инструмент "мягкой силы".

Учитывая обозначенные выше проблемы и вопросы, наше основное внимание будет уделяться прежде всего дискурсу о характере «мягкой силы» Российской Федерации в ее внешней политике и отношениях с государствами Восточной и Западной Европы, и Японии. Касаясь проблемы указанного дискурса, отметим, что последний, на наш взгляд, в лучшем случае не дает

полного понимания сущности той «силы», что проектируется сегодня РФ наружу, а в худшем – может быть вообще лишенным своего смысла в силу несоответствия самому понятию «мягкая сила». Такое утверждение может объясняться следующими обстоятельствами и чертами, характерными для современной Российской Федерации:

1) отсутствием за последние более чем два десятилетия любого креативно-интегрирующего потенциала государства в ее внутренне - и внешнеполитическом измерениях как необходимого базиса и модели для подражания другими государствами и сообществами;

2) традиционно и кардинально отличными от западных демократий мотивациями и расчетам российских властей, касающиеся достижения внешнеполитических целей и выстраивания внешнеполитической стратегии государства на пан-европейском пространстве.

В первом случае речь идет о пребывании за последние десятилетия внутреннего политического и внешнего геополитического пространства Российской Федерации в парадигме дезинтеграционно-деструктивного развития, а именно под влиянием разного рода дезинтеграционных (в политическом, социальном и экономическом плане) процессов, что, так или иначе, помноженные или обязательно сопровождающихся конфликтным состоянием. Показательными в этом плане, с одной стороны, выступают: растущий социально-культурный, инфраструктурный и ресурсный разрыв между центром и периферией государства; постепенная потеря центром контроля над собственными окраинными территориями; дальнейшее течение центробежных тенденций в развитии регионального сотрудничества и экономической интеграции России с соседними странами пост-советского пространства, что начинает растворяться не только по содержанию, но и по своему определению.

С другой стороны, указанные процессы сопровождаются параллельными волнами агрессивной-военной политики Российской Федерации как в собственных границах (проведения двух военных кампаний в Чеченской

Республике и продолжающаяся контр-террористическая операция РФ на Северном Кавказе), так и в рамках собственного геополитического периметру. В последнем случае наблюдается разноплановое воздействие и вовлечение Москвы в течение или разжигание конфликтов на постсоветском пространстве – условно говоря более опосредованный, частичный (карабахский конфликт (1988 – 1994 гг.), грузино-абхазский конфликт (1992 – 1993 гг.), таджикский конфликт (1992 – 1997 гг.)) и более прямой и полноценный (приднестровский конфликт (1992 г.), российско-грузинская война (2008 г.)).

Два последних примера отражают явный агрессивно-наступательный характер действий и политико - безопасный имидж России в Европе, результатом которых стали оккупация и аннексия территорий соседних государств, нарушение основополагающих принципов ОБСЕ и Устава ООН в целом.

Во втором случае, как было обозначено выше, можно говорить о совершенно отличные, что даже выдвигаются в противовес западным, подходы российских правящих кругов к пониманию таких базовых категорий, как «геополитика», «внешнеполитический интерес» и «стратегия государства». Последние базируются на особом российском мировоззренческом видении. Содержательное наполнение соответствующих мировоззренческо-ценностных сущностей уже превратилось в целостный концептуальный подход к определению места РФ в мировом глобальном пространстве. Базовыми положениями такой концепции, которая приобрела новой исторической формы – неоимпериализма, остаются: традиционная имперская мощь, идея об исключительности русского цивилизационного мира и русской духовности, особая мессианская роль русского православия, право на политический и культурный экспансионизм, защита «русского мира» за пределами РФ, право на нарушение и перенос межгосударственных границ, рассмотрение любых мировых проблем исключительно через призму геополитических интересов и военного присутствия России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Eckel P. E. The Crimean War and Japan / Paul E. Eckel // The Far Eastern Quarterly. – 1944. – No. 2. – Pp. 109-118
2. Lensen G. A. Russia and the United States in Asia / George Alexander Lensen // Russian Review. – 1965. – Vol. 24. – No. 2. – Pp. 99-110.
3. Lensen G. A. The Russian Push toward Japan / George Alexander Lensen. – Princeton, 1959
4. Kimball A. Russia and Japan Expand to their Pacific Frontiers, 1697–1898. <http://pages.uoregon.edu/kimball/RUS.i.JPN.htm>.
5. Togawa T. The Japanese View of Russia before and after the Meiji Restoration / Togawa Tsuguo // A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters. 1868–1926. – Stanford – Washington, 1995. – Pp. 214-227.
6. Wada H. Japanese-Russian Relations and the United States, 1855–1930 / Wada Haruku // A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters. 1868–1926. – Stanford – Washington, 1995. – Pp. 201-213
7. Franz E. Philipp Franz von Siebold and Russian policy and action on opening Japan to the West in the Middle of the Nineteenth Century / Edgar Franz. – Munich, 2005.
8. Auslin M. R. Negotiating with Imperialism: The Unequal Treaties and the Culture of Japanese Diplomacy / Michael R. Auslin. – Cambridge, 2006.
9. McOmie W. The Opening of Japan, 1853–1855: a Comparative Study of the American, British, Dutch and Russian naval expeditions to Compel the Tokugawa Shogunate to Conclude Treaties and Open Ports to Their Ships / William McOmie. – Leiden, 2006.
10. Wells D. N. Hospitality and the Negotiation of Difference: The Role of Food and Drink in the Russian Discovery of Japan / David N. Wells // Australian Slavonic and East European Studies. – 2007. – Vol. 21. – Nos. 1 – 2. – Pp. 25-40
11. Irish A. B. Hokkaido: A History of Ethnic Transition and Development on Japan's Northern Island / Ann B. Irish. – Jefferson, 2009.